

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2015–2016 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Прочитайте отзыв И.А. Бунина о Ф.М. Достоевском.

Выполните задания:

1. Перечислите по пунктам претензии Бунина к автору романа «Преступление и наказание» (до 12 баллов).
2. Согласитесь с мнением Бунина или опровергните его оценки в недлинном рассуждении. Ваше мнение должно быть подкреплено авторитетом критиков, литературоведов и/или писателей. Объём ответа – 10–15 предложений (до 16 баллов).
3. Ответьте, какую фактическую ошибку допускает Бунин, говоря о романе «Преступление и наказание». (2 балла).

За обоснованное, доказательное, логически изложенное собственное мнение максимальное количество баллов – 16, из них от 0 до 6 баллов за язык, стиль, грамотность.

Разговор И.А. Бунина и В.П. Катаева (книга воспоминаний В.П. Катаева «Трава забвения»):

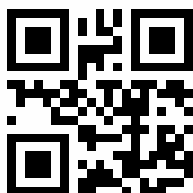
«<Бунин:> – Но скажите: неужели вы бы смогли – как ваш герой – убить человека для того, чтобы завладеть его бумажником?

<Катаев:> – Я – нет. Но мой персонаж...

– Неправда! – резко сказал Бунин, почти крикнул: – Не сваливайте на свой персонаж! Каждый персонаж – это и есть сам писатель.

– Позвольте! Но Раскольников...

– Ага! Я так и знал, что вы сейчас назовёте это имя! Голодный молодой человек с топором под пиджачком. И кто знает, что переживал Достоевский, сочиняя его, этого самого своего Раскольникова. Одна фамилия чего стоит! Я думаю, – тихо сказал Бунин, – в эти минуты Достоевский сам был Раскольниковым. Ненавижу вашего Достоевского! – вдруг со страстью воскликнул он. – Омерзительный писатель со всеми своими нагромождениями, ужасающей неряшливостью какого-то нарочитого, противоестественного, выдуманного языка, которым никогда никто не говорил и не говорит, с назойливыми, утомительными повторениями, длиннотами, косноязычием...»



Часть II (40 баллов)

Выполните целостный анализ предложенного произведения.

Выберите ОДИН из предложенных вариантов.

Вариант 1. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Виктория Самойловна Токарева (род. 1937)

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ
(Рассказ акселератки)

Нам задали классное сочинение на тему: «Самый счастливый день в моей жизни».

Я раскрыла тетрадь и стала думать: какой у меня был в жизни самый счастливый день? Я выбрала воскресенье – четыре месяца назад, когда мы с папой утром пошли в кино, а после этого сразу поехали к бабушке. Получилось двойное развлечение. Но наша учительница Марья Ефремовна говорит: человек бывает по-настоящему счастлив только в том случае, когда приносит людям пользу. А какая польза людям от того, что я была в кино, а потом поехала к бабушке? Я могла бы не учитывать мнения Марьи Ефремовны, но мне надо исправить оценку в четверти. Я могла бы иметь и тройку в четверти, но тогда меня не переведут в девятый класс, а отправят в ПТУ. Марья Ефремовна предупредила, что сейчас в стране переизбыток интеллигенции и дефицит в рабочем классе, так что из нас будут создавать фонд квалифицированной рабочей силы.

Я заглянула в тетрадь своей соседки Ленки Коноваловой. Ленка строчила с невероятной скоростью и страстью. Её самый счастливый день был тот, когда её принимали в пионеры.

Я стала вспоминать, как нас принимали в пионеры в Музее погранвойск, и мне не хватило пионерского значка. Шефы и вожатые забегали, но значка так и не нашли. Я сказала: «Да ладно, ничего...» Однако настроение у меня испортилось, и я потом была невнимательна. Нас повели по музею и стали рассказывать его историю, но я ничего не запомнила, кроме того, что мы когда-то делили с японцами какую-то речку и даже разодрались. Однако до войны дело не дошло. А может, я что-то путаю. Я такие вещи вообще не запоминаю. Мне это совершенно не интересно.

Однажды мы с мамой отвели домой пьяного ханурика. Он потерял ботинок и сидел на снегу в одном носке. Мама сказала: нельзя его бросать на улице, может, у него несчастье. Мы спросили, где он живёт, и отвели его по адресу. От этого поступка была наверняка большая польза, потому что человек спал не на сугробе, а у себя дома и семья не волновалась. Но самым счастливым днём это не назовёшь: ну отвели и отвели...

Я перегнулась вправо и заглянула в тетрадь Машки Гвоздевой. Она сидит впереди меня. Я там ничего не разобрала, но Машка наверняка пишет, что

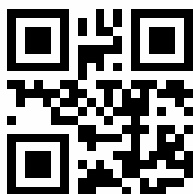
самый счастливый день был тот, когда у них взорвался испорченный синхрофазотрон и им дали новый. Эта Машка просто помешана на схемах и формулах. У неё выдающиеся математические способности, и она уже знает, куда будет поступать. У неё есть смысл жизни. А у меня единственное, что есть, как говорит Марья Ефремовна, – это большой словарный запас, и я легко им орудую. Поэтому мне в музыкальной школе поручают доклады о жизни и творчестве композиторов. Доклад пишет учитель по музыке, а я его зачитываю по бумажке. Например: «Бетховен – плебей, но всё, что он достиг в жизни, он достиг своим трудом...» И ещё я объявляю на концертах, например: «Сонатина Клементи, играет Катя Шубина, класс педагога Россоловского». И это звучит убедительно, потому что у меня рост, цвет лица и фирменные вещи. Цвет лица и фирма мне перешли от мамы, а рост – непонятно откуда. Я где-то читала, что в современных панельно-блочных домах, не пропускающих воздух, созданы условия, близкие к парниковым, и поэтому дети растут, как парниковые огурцы.

Машка Гвоздева безусловно попадёт в интеллигенцию, потому что от её мозгов гораздо больше пользы, чем от её рук. А у меня ни рук, ни мозгов – один словарный запас. Это даже не литературные способности, просто я много знаю слов, потому что я много читаю. Это у меня от папы. Но знать много слов совершенно необязательно. Мальчишки в нашем классе вполне обходятся шестью словами: точняк, нормалёк, спокуха, не кисло, резко, структура момента. А Ленка Коновалова любую беседу поддерживает двумя предложениями: «Ну да, в общем-то...» и «Ну да, в общем-то, конечно...» И этого оказывается вполне достаточно: во-первых, даёт возможность говорить собеседнику, а это всегда приятно. Во-вторых, поддерживает его сомнения. «Ну да, в общем-то...», «Ну, в общем, конечно».

Неделю назад я слышала по радио передачу о счастье. Там сказали: счастье – это когда что-то хочешь и добиваешься. А очень большое счастье – это когда что-то очень хочешь и добиваешься. Правда, потом, когда добьёшься, – счастье кончается, потому что счастье – это дорога к осуществлению, а не само осуществление.

Что я хочу? Я хочу перейти в девятый класс и хочу дублёнку вместо своей шубы. Она мне велика, и я в ней как в деревянном квадратном ящике. Хотя мальчишки у нас в раздевалке режут бритвой рукава и срезают пуговицы. Так что дублёнку носить в школу рискованно, а больше я никуда не хожу.

А что я очень хочу? Я очень хочу перейти в девятый класс, поступить в МГУ на филологический и познакомиться с артистом К.К. Мама говорит, что в моём возрасте свойственно влюбляться в артистов. Двадцать лет назад она тоже была влюблена в одного артиста до потери пульса, и весь их класс сходил с ума. А сейчас этот артист разжирел как свинья, и просто диву даешься, что время делает с людьми.



Но мама меня не понимает, я вовсе не влюблена в К.К.

Просто он играет д'Артаньяна, и так он замечательно играет, что кажется, будто К.К. – это и есть сам д'Артаньян – талантливый, неожиданный, романтический. Не то что наши мальчишки: «точняк», «нормалёк» и ниже меня на два сантиметра.

Я смотрела «Мушкетёров» шесть раз. А Рита Погосян – десять раз. Её мама работает при гостинице «Минск» и может доставать билеты куда угодно, не то что мои родители – ничего достать не могут, живут на общих основаниях.

Однажды мы с Ритой дождались К.К. после спектакля, отправились за ним следом, сели в один вагон метро и стали его разглядывать. А когда он смотрел в нашу сторону, мы тут же отводили глаза и фыркали. Рита через знакомых выяснила: К.К. женат и у него есть маленький сын. Хорошо, что сын, а не дочка, потому что девочек любят больше, а на мальчишек тратится меньше нежности, и, значит, часть души остаётся свободной для новой любви.

У нас с К.К., правда, большая разница в возрасте – двадцать лет. Через пять лет мне будет восемнадцать, а ему тридцать восемь. Но пусть это будет его проблемой. А молодость ещё никогда и никому не мешала. Рита сказала, что К.К. – карьерист. В Америке из-за карьеры стреляют в президентов. И ничего. То есть, конечно, «чего», но ещё не такие дела делаются из-за карьеры.

Неизвестно – отрицательная это черта или положительная. Мой папа, например, не карьерист, но что-то большого счастья на его лице я не вижу. У него нет жизненного стимула и маленькая зарплата. Недавно я на классном часе докладывала о политической обстановке в Гондурасе. Честно сказать, какое мне дело до Гондураса, а ему до меня, но Марья Ефремовна сказала, что аполитичных не будут переводить в девятый класс. Я подготовилась как миленькая и провела политинформацию. Буду я рисковать из-за Гондураса.

Ленка Коновалова перевернула страницу – исписала уже половину тетради. А я всё сижу и шарю в памяти своей самый счастливый день. В передаче о счастье я запомнила такую фразу: «Перспектива бессонных ночей за штурвалом комбайна...» Может быть, комбайнёр тоже был карьерист.

Вообще, если честно, мои самые счастливые дни – это когда я возвращаюсь из школы и никого нет дома. Я люблю свою маму. Она на меня не давит, не заставляет заниматься музыкой и есть с хлебом. При ней я могу делать то же самое, что и без неё. Но всё-таки это – не то.

Она, например, ужасно неаккуратно ставит иглу на пластинку, и через динамики раздаётся оглушительный треск, и мне кажется, что иголка царапает моё сердце. Я спрашиваю: «Нормально ставить ты не можешь?» Она отвечает: «Я нормально ставлю». И так каждый раз. Когда её нет дома, в дверях записка: «Ключи под ковриком. Еда на плите. Буду в шесть. Ты дура. Целую, мама».

Я читала в газете, что Москва занимает последнее место в мире по проценту преступности. То есть Москва – самая спокойная столица в мире. И это правда. Я убедилась на собственном опыте. Если бы самый плохонький воришка-дилетант и даже просто любопытный, с дурными наклонностями

человек прошёл по нашей лестнице и прочитал мамину записку, то получил бы точную инструкцию: ключи под ковриком. Открывай дверь и заходи. Еда на плите – разогревай и обедай. А хозяйева явятся в шесть.

Так что можно не торопиться и даже отдохнуть в кресле с газетой, а около шести – уйти, прихватив папины джинсы, кожаный пиджак и мамину дублёнку, отделанную аляскинским волком. Больше ничего ценного в нашем доме нет, потому что мы – интеллигенция и живём только на то, что зарабатываем.

Мама говорит: когда человек боится, что его обворуют, его обязательно обворуют. В жизни всегда случается именно то, чего человек боится. Поэтому никогда не надо бояться. И это точно. Если я боюсь, что меня спросят, – меня обязательно спрашивают.

Когда я выхожу из лифта и вижу записку, я радуюсь возможности жить как хочу и ни к кому не приспосабливаться. Я вхожу в дом. Ничего не разогреваю, а ем прямо со сковороды, руками и в шубе. И стоя. Холодное – гораздо вкуснее. Горячее – отбивает вкус.

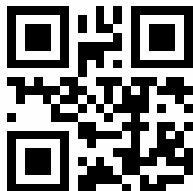
Потом я включаю проигрыватель на полную мощность и зову в гости Ленку Коновалову. Мы с ней вырываем из шкафа все мамины платья, начинаем мерить их и танцевать. Мы танцуем в длинных платьях, а ансамбль «Синяя птица» надрыгается: «Не о-би-жайся на меня, не обижаа-а-йся, и не жалей, и не зови, не достучишься до любви». А в окно хлещет солнце.

Потом Ленка уходит. Я сажусь в кресло, закутываюсь в плед и читаю. Сейчас я читаю две книги: рассказы Хулио Кортасара и пьесы Александра Вампилова. Эти книги маме подарили её подхалимы.

У Вампилова мне очень нравится: «Папа, к нам пришёл гость и ещё один». А папа отвечает: «Васенька, гость и ещё один – это два гостя...» Я читаю и вижу перед глазами К.К., и мне бывает грустно, что всё-таки он женат и у нас большая разница в возрасте.

А у Кортасара в рассказе «Конец игры» есть слова «невыразимо прекрасно». Они так действуют на меня, что я поднимаю глаза и думаю. Иногда мне кажется, что жить – невыразимо прекрасно. А иногда мне становится всё неинтересно, и я спрашиваю у мамы: «А зачем люди живут?» Она говорит: «Для страданий. Страдания – это норма». А папа говорит: «Это норма для дураков. Человек создан для счастья». Мама говорит: «Ты забыл добавить – как птица для полёта. И ещё можешь сказать: жалость унижает человека». Папа говорит: «Конечно, унижает, потому что на жалость рассчитывают только дураки и дуры. Умные рассчитывают на себя».

А мама говорит, что жалость – это сострадание, соучастие в страдании, и на нём держится мир, и это тоже талант, который доступен не многим, даже умным.



Но спорят они редко, потому что редко видятся. Когда папа вечерами дома – мамы нет. И наоборот. Если мамы нет – папа читает газеты и смотрит по телевизору хоккей. (У нас была няня, которая не выговаривала «хоккей» и произносила «фокея».) Посмотрев «фокею», прочитав газеты, папа требует мой дневник и начинает орать на меня так, будто я глухая или нахожусь в соседней квартире, а он хочет, чтобы я услышала его через стенку. Когда папа кричит, я почему-то не боюсь, а просто хуже понимаю. Мне хочется попросить: «Не кричи, пожалуйста, говори спокойно». Но я молчу и только моргаю.

Иногда мама приходит довольно поздно, однако раньше отца. Она видит, что его дублёнки нет на вешалке, ужасно радуется. Быстро переодевается в пижаму, и мы с ней начинаем танцевать на ковре посреди комнаты, вскидывая ноги, как ненормальные, обе в пижамах и босиком. У мамы пижама в ромбик, а у меня в горошек. Мы ликуем, но шёпотом, сильно разевая рты, и нам бывает невыразимо прекрасно.

А когда у мамы библиотечные дни и она целый день дома, готовит еду на несколько дней, а отца нет до позднего вечера, – вот тут-то она появляется у меня в комнате, не учитывая, что мне надо спать, а не разговаривать, и начинает из меня варить воду.

Она говорит:

– По-моему, он от нас ушёл.

Я говорю:

– А как же кожаный пиджак и джинсы? Без них он не уйдёт.

– Но он может прийти за ними позже.

– Глупости, – говорю я. – От меня он никуда не денется.

Однако я пугаюсь, и у меня начинает гудеть под ложечкой и щипать в носу. Я не представляю своей жизни без отца. Я скачусь на одни тройки и двойки. Я вообще брошу школу и разложусь на элементы. Я получаю хорошие оценки исключительно ради отца, чтобы ему было приятно. А мне самой хватило бы и троек. И маме тоже хватило бы. Она рассуждает так: «Три – это удовлетворительно. Значит, государство удовлетворено».

– Я с ним разведусь, – говорит мама.

– Причина?

– Он мне не помогает. Я сама зарабатываю деньги. Сама стою в очередях и сама таскаю кошёлки.

– А раньше было по-другому?

– Нет. Так было всегда.

– Тогда почему ты не развелась с ним раньше, десять лет назад?

– Я хотела обеспечить тебе детство.

– Значит, когда я была маленькая и ничего не понимала, ты обеспечивала мне детство. А сейчас, когда я выросла, ты хочешь лишить меня близкого человека. Это предательство с твоей стороны.

– Ну и пусть.

– Нет, не пусть. Тогда я тоже не буду с тобой считаться.

– У тебя впереди вся жизнь. А мне тоже хочется счастья.

Я не понимаю, как можно в тридцать пять лет, имея ребёнка, хотеть какого-то ещё счастья для себя. Но сказать так – нетактично. И я говорю:

– А где ты видела счастливых на все сто процентов? Вон тётя Нина моложе тебя на пять лет, худее на десять килограмм, однако без мужа живёт и ездит каждый день на работу на двух видах транспорта, полтора часа в один конец. И занимается каким-то химическим машиностроением, чтобы заработать на кусок хлеба. А ты – работаешь через дорогу, любишь свою работу, все тебя уважают. Занимаешь своё место в жизни. Вот уже пятьдесят процентов. Я – удачный ребёнок. Здоровый и развитый. Ещё сорок пять. Ничем не болеешь – один процент. Вот тебе уже девяносто шесть процентов счастья, остаётся четыре процента... Но где ты видела счастливых на сто процентов? Назови хоть кого-нибудь.

Мама молчит, раздумывает – кого назвать. И в самом деле – никто не счастлив на все сто процентов. «В каждой избушке свои погремушки». Или как я где-то вычитала: «У каждого в шкафу свой труп». Но маму не утешает чужое несчастье. Она хочет свои недостающие четыре процента вместо первых пятидесяти. Сидит на моей постели и дрожит, как сирота. Я говорю:

– Ложись со мной. Я тебя присплю.

Она ложится ко мне под одеяло. Ступни у неё холодные, и она суёт их мне в ноги, как эгоистка. Но я терплю.

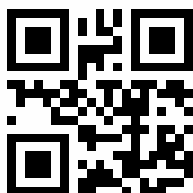
На мой глаз капает её слеза. Я опять терплю. Я её очень люблю. У меня даже всё болит внутри от любви. Но я понимаю, что, если начать её жалеть, она раскиснет ещё больше. И я говорю:

– Поди посмотри на себя в зеркало при свете дня. Ну кому ты нужна, кроме нас с папой? Ты должна жить для нас.

Но вообще, честно сказать, я считаю: человек должен быть эгоистом. Карьерист и эгоист. Чтобы ему было хорошо. А если одному хорошо, то и другим вокруг него тоже хорошо. А если одному плохо, то и остальным пасмурно.

Так ведь не бывает, чтобы человек горел на костре, а вокруг него ближние водили хороводы.

Тихо скрипит ключ, это папа осторожно вводит ключ в замок, чтобы нас не разбудить. Потом он на цыпочках входит в прихожую, стоит какое-то время, видимо, раздевается. И так же на цыпочках идёт в свою комнату, и половицы виновато поскрипывают. Как-то бабушка сказала, что папа себя не нашёл. И когда он ступает на цыпочках, мне кажется: он ходит и ищет себя, не зажигая свет, заглядывая во все углы. И мне его ужасно жалко. А вдруг и я не найду себя до сорока лет и не буду знать, куда себя девать. Заслышав папины шаги, мама успокаивается, и засыпает на моём плече, и дышит мне в щёку. Я обнимаю



её и держу как драгоценность. Я лежу и думаю: хоть бы она скорее растолстела, что ли... Я мечтаю, чтобы мои родители постарели и растолстели, тогда – кому они будут нужны, толстые и старые? Только друг другу. И мне.

А сейчас они носятся колбасой, худые и в джинсах. Мне иногда кажется, что одна нога каждого из них зарыта, а другой они бегут в разные стороны. Но куда убежишь с зарытой ногой?

Между прочим, у Ленкиной мамы вообще нет мужа, трое детей – все от разных отцов, слепая бабка, две кошки и щенок. Однако у них в доме – шумно, хламно и весело. Может быть, потому, что Ленкиной мамаше некогда в гору глянуть. Когда у человека остаётся свободное время, он начинает думать. А если начать думать, обязательно до чего-нибудь додумаешься. Однажды, год назад, на нашей улице маленький мальчишка попал под машину. Все побежали смотреть, а я побежала домой. Я тогда ужасно испугалась, но не за себя, а за моих родителей. Я и сейчас боюсь: вдруг со мной что-нибудь случится, попаду под машину или вырасту и выйду замуж? На кого я их оставляю? И что они будут делать без меня?..

Загоруйко подошёл к Марье Ефремовне и сдал тетрадь. Наверное, для него самый счастливый день будет тот, когда «битлсы» снова объединятся в ансамбль. Загоруйко знает все современные зарубежные ансамбли: «Кисеи», «Квины», «Бони М». А я только знаю: «Бетховен плебей...», серенаду Шумана по нотам и кое-что по слуху.

Я посмотрела на часы. Осталось шестнадцать минут.

Раздумывать больше некогда, иначе мне поставят двойку, не переведут в девятый класс, и я буду токарь-наладчик или буду швея-мотористка. Швея с большим словарным запасом.

Я решила написать, как мы сажали вокруг школы деревья. Где-то я прочитала: каждый человек за свою жизнь должен посадить дерево, родить ребёнка и написать книгу о времени, в котором он жил.

Я вспоминала, как тащила полное ведро чернозёма, чтобы засыпать в лунку и дерево лучше прижилось. Подошёл Загоруйко и предложил:

– Давай помогу.

– Обойдусь, – отказалась я и поволокла ведро дальше. Потом я высыпала землю в лунку и разжала ладони.

На ладонях был след от дужки ведра – глубокий и синий. Плечи ныли, и даже ныли кишки в животе.

– Устала, – сообщила я окружающим с трагическим достоинством.

– Так и знал! – ехидно обрадовался Загоруйко. – Сначала пижонила, а теперь хвастаться будет.

Противный этот Загоруйко. Что думает, то и говорит, хотя воспитание дано человеку именно для того, чтобы скрывать свои истинные чувства. В том случае, когда они неуместны.

Но что бы там ни было, а дерево прижилось и останется будущим поколениям. И, значит, за содержание Марья Ефремовна поставит мне пятёрку, а ошибок у меня почти не бывает. У меня врождённая грамотность.

Я снова посмотрела на часы. Осталось одиннадцать минут. Я встряхнула ручкой, она у меня перьевая, а не шариковая, и принялась писать о том дне, когда мы с папой пошли утром в кино, а после поехали к бабушке. И пусть Марья Ефремовна ставит мне что хочет. Всё равно ни эгоистки, ни карьеристки из меня не получится. Буду жить на общих основаниях. Я написала, что кинокомедия была ужасно смешная, с де Фюнесом в главной роли, и мы так хохотали, что на нас даже оборачивались, и кто-то постучал в мою спину согнутым пальцем, как в дверь. А у бабушки было как всегда. Мы сидели на кухне и ели очень вкусную рыбу. (Хотя мама утверждает, что бабушкина рыба – несолёная и пахнет аммиаком, будто её вымачивали в моче). Но дело ведь не в еде, а в обстановке. Меня все любили и откровенно мною восхищались. И я тоже всех любила на сто процентов и тем самым приносила огромную пользу. У меня глаза папины, у папы – бабушкины – карие, бровки домиком. Мы глядели друг на друга одними и теми же глазами и чувствовали одно и то же. И были как дерево: бабушка – корни, папа – ствол, а я – ветки, которые тянутся к солнцу.

И это было невыразимо прекрасно.

Конечно, это был не самый счастливый день в моей жизни. Просто счастливый. А самого счастливого дня у меня ещё не было. Он у меня – впереди.

<1970-e>

Вариант 2. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

Арсений Александрович Тарковский (1907–1989)

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ

I

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идёт бессмертье косяком.



II

Живите в доме – и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нём.
Вот почему со мною ваши дети
И жёны ваши за одним столом –
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподнимаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошёл, как сквозь Урал.

III

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас, в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стремянах.
Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б её летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

(1965)

Максимальное количество баллов за работу – 70.